

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия

**ПРАВОСЛАВИЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Выпуск 2

ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ,
АПОСТОЛА ЯПОНИИ
1836–1912

Издательство Санкт-Петербургского университета
Санкт-Петербург
1996

В. Л. Успенский

**КАЗАНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ —
ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ**

Хорошо известно, что Казань является колыбелью отечественного научного монголоведения. Хорошо известны и труды профессоров Казанского университета О. М. Ковалевского и А. В. Попова по изучению монгольского языка, истории и культуры монгольских народов, сбору рукописей. Однако среди монголоведов как-то само собою разумеющимся считается, что после перевода восточного факультета из Казани в Петербург в 1855 г. монголоведение в Казани полностью исчезло. Мне кажется, что пора покончить с этим печальным заблуждением и воздать должное трудам многих поколений монголоведов — преподавателей и выпускников Казанской Духовной Академии (далее — КазДА). Их деятельность продолжалась и после перевода восточного факультета в Петербург и прекратилась вскоре после октябрьской революции 1917 г.

КазДА была образована на основе духовной семинарии в 1797 г. Вскоре она была закрыта, и преподавание в ней было возобновлено в 1842 г. В этом же году началась подготовка миссионеров, а в 1854/55 учебном году были открыты миссионерские отделения обличения старообрядческого раскола, ислама и буддизма. Как отмечал в середине XIX в. ректор КазДА архимандрит Иоанн, «от Камчатки до Кавказа, от Нижнего Новгорода до Томска и Енисейска, на 15 губерний, не считая самой Камчатки, простирается учебный округ Казанской академии»¹. Поэтому российские губернии, где проживали монгольские народы — буряты и калмыки, входили в учебный округ КазДА.

Основы преподавания монгольского языка на миссионерском отделении КазДА заложил выдающийся русский монголовед А. А. Бобровников (1821–1865). Созданная им в стенах Академии «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (Казань, 1849) и по сей день является лучшей из существующих монгольских грамматик. Бобровников недолго служил в КазДА. С его уходом преподавание монгольского языка продолжалось с перерывами до 1870 г., а затем прекратилось за отсутствием желающих обучаться. Такое

© В. Л. Успенский, 1996

положение продолжалось до 1884 г., когда преподавание возобновилось. Были созданы две кафедры:

1) истории и обличения ламаизма и обочения монгольского языка с бурятским наречием;

2) калмыцкого наречия, общего филологического обзора языков и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории христианства между ними².

Для обучения студентов разговорному языку в качестве лекторов в Академии служили калмыки.

В 1889 г. при КазДА были открыты сокращенные двухгодичные миссионерские курсы как по татарскому, так и по монгольскому отделам. Курсы имели целью вооружить необходимыми знаниями лиц, которые, будучи пригодными к миссионерскому служению, не могли поступить в число действительных студентов Академии. Поэтому «в состав курсов, по избранию и рекомендации начальств епархий с инородческим населением/.../дозволено поступать всем, кто, определившись в своем направлении, желал посвятить себя миссионерскому служению, без различия звания и прав по образованию и без всякого испытания»³. Большинство предметов читалось слушателям миссионерских курсов совместно со студентами. Библиотека КазДА быстро пополнялась монгольскими и калмыцкими рукописями и ксилографами. В снабжении ими *Alma Mater* деятельное участие принимали выпускники Академии, служившие в епархиях с монгольским населением (якутской, иркутской, астраханской).

В 1912 г. при КазДА был образован историко-этнографический миссионерский музей. В значительной степени его экспонатами становились подарки выпускников Академии.

Исключительно плодотворным для развития изучения миссионерских предметов монгольской группы стало предреволюционное десятилетие. Во многом это было связано с активной научной и организаторской деятельностью архимандрита Гурия (в миру Алексей Иванович Степанов; 1880–1937 или 1938). Окончив миссионерское отделение по монгольскому разряду в 1906 г., он уже через шесть лет, в 1912 г., благодаря своим выдающимся способностям занял высокую должность инспектора КазДА. Его перу принадлежит ряд научных трудов, из которых упомянем «Буддизм и христианство в их учении о спасении» (Казань, 1908); «Донские калмыки и история их христианского просвещения» (СПб., 1911). За свой капитальный труд «Очерки распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Калмыки» (Казань, 1915) архимандрит Гурий в 1916 г. был удостоен ученой степени доктора церковной истории. Некоторые из его работ были

переведены на немецкий язык и опубликованы в Германии ⁴. Послереволуционная судьба Гурия была трагична: преследования, аресты, ссылка в Соловки. В августе 1930 г. он стал архиепископом Суздальским, но в мае следующего года отстранился от церковной жизни. Он сотрудничал в журнале «Жизнь Востока», печатался под псевдонимом. В 1937 или 1938 г. архиепископ Гурий был расстрелян возле Новосибирска.

Каждый год на монгольский разряд миссионерского отделения поступали 4–6 студентов. Было значительно улучшено преподавание: если практиканты-калмыки служили в КазДА с конца XIX в., то в 1914 г. появился практикант и бурятского языка. В 1912 г. был командирован в Монголию для изучения монгольского и, в особенности, тибетского языка иеромонах Амфилохий ⁵. Поэтому в 1914 г. студенты-монголисты КазДА стали изучать тибетский язык, который является богослужебным языком монголов.

В 1912 г. почетным членом КазДА был избран выдающийся русский монголовед профессор Петербургского университета А. М. Позднеев.

Подготовка миссионеров-монголистов в КазДА оказалась связанной с трудами святого Николая Японского. Лучшие выпускники основанной им в Токио духовной семинарии направлялись для продолжения образования в Россию. В 1911 г. выпускник Токийской семинарии Мией Накамура держал вступительный экзамен в КазДА. Святитель Николай хорошо отзывался о нем в своих дневниках ⁶. Накамура как иностранец держал испытание по истории русской литературы и писал сочинение на тему «Личность русского князя по «Слову о полку Игореве»». Как записано в протоколах совета КазДА, «ответ г. Накамура может быть признан удовлетворительным ввиду того, что г. Накамура «из Японии» и принимая во внимание желание высокопочтимого архипастыря Японского, Высокопреосвященнейшего Николая — видеть в г. Накамура богословски подготовленного деятеля на ниве японской миссии» ⁷. Тем не менее Накамура получил неудовлетворительную оценку за свое сочинение (средний балл его экзаменационных отметок был 2,83), и было решено представить вопрос о его зачислении на усмотрение архиепископа Казанского и Свияжского. Вопрос был решен положительно, но Накамуру обязали записаться на миссионерское отделение. Он выбрал монгольский разряд.

Накамура должен был окончить Академию в 1915 г. и дошел до четвертого, выпускного курса. Однако 29 ноября 1914 г. он обратился к ректору КазДА со следующим прошением: «Получив от японского посольства в Петрограде предложение

занять место переводчика в японском отряде Красного Креста на русском театре военных действий и считая себя обязанным ответить на него согласием, я решаюсь просить Вас, Ваше Преосвященство, разрешить мне немедленно сдать все экзамены за IV курс». Ректор наложил на прошение следующую резолюцию: «Отпуск разрешается до конца военных действий» ⁸. Мы не располагаем сведениями о том, как сложилась дальнейшая судьба Накамуры.

В 1915 г. на монгольский разряд миссионерского отделения КазДА поступил еще один выпускник Токийской семинарии — Петр Давидович Уцияма. Он был лучшим выпускником семинарии в 1903 г. и оставлен при ней в качестве наставника ⁹. Уцияма должен был окончить Академию в 1919 г., и мы не знаем, удалось ли ему это сделать в связи с известными событиями.

Казанская Духовная Академия существовала до 1920 г. ¹⁰. Сейчас в ее здании размещается одна из городских больниц. Значительная часть монгольских и тибетских рукописей и кирилографов из библиотеки Академии попала в 1920-е гг. в Ленинград и ныне хранится в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН.

Достоинным сожаления является тот факт, что в опубликованных каталогах монгольских рукописей Института востоковедения поступление в его фонды коллекции КазДА связывается с переводом восточного факультета в Петербург ¹¹. Конечно, не обошлось и без утрат. Например, только в 1855 г. Оренбургская консистория прислала в КазДА 69 калмыцких рукописей ¹². В собрании же монгольских рукописей КазДА, хранящемся в Институте востоковедения, находятся лишь две калмыцкие рукописи ¹³. Нелишне упомянуть, что студентами Академии в разные годы в качестве магистерских диссертаций было переведено с монгольского языка большое количество письменных памятников. Эти переводы остались неопубликованными и частично сохранились в государственном архиве Татарстана.

В рукописном фонде библиотеки восточного факультета Петербургского университета под шифром Сalm. D 13 хранится большой рукописный калмыцко-русский словарь, составленный выпускником миссионерских курсов при КазДА иеромонахом Мефодием (Львовским). Поэтому можно сказать, что собрание монгольских книг КазДА не пропало и продолжает служить науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Писарев Н. Казанская Духовная Академия на служении Православной Церкви и русскому народу (по поводу исполнившегося 21 сентября/8 ноября 1917 года 75-летия существования Академии) // Православный собеседник. 1917. № 10/12. С. 427.

² Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской Духовной Академии после ее преобразования. Казань, 1892. С. 252–253.

³ Там же. С. 253–254.

⁴ Биографические сведения об архиепископе Гурии и библиография его работ (неполная) содержатся в книге Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemesevskij). Teil 2. Erlangen, 1981. S. 409–414.

⁵ Амфилохий (в миру А. Я. Скворцов) (1885–1946). В 1922 г. был возведен в сан епископа, но в следующем году арестован и сослан в Красноярск. В 1930 г., будучи епископом Енисейским и Красноярским, Амфилохий самовольно покинул епархию и удалился в леса, где вел скитническую жизнь. Знавшие его люди отзывались о нем как о благоговейном и мудром старце. Эти сведения о послереволюционной судьбе Амфилохия взяты нами из книги: Регельсон Л. Трагедия Русской церкви: 1917–1945. Париж, 1977. С. 603–605. Л. Регельсон, в свою очередь, заимствовал их из вышеупомянутого труда митрополита Мануила.

⁶ Япония накануне и во время войны с Россией глазами святого равноапостольного Николая Японского. Вып. 1. Л., 1991. С. 70–71.

⁷ Протоколы заседаний совета Казанской Духовной Академии за 1911 год. Казань, 1912. С. 236.

⁸ Протоколы... за 1914 год. Казань, 1915. С. 455.

⁹ Япония накануне и во время войны с Россией.... С. 45.

¹⁰ Сорокин В., Бовкало А. А., Галкин А. К. Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея России Тихоне (1917–1925) // Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 2. С. 46. О трагической послереволюционной истории КазДА см.: Журавский А. В. Казанская Церковь в эпоху гонений: Страницы истории. Казань, 1994. С. 10–11, 15–18.

¹¹ Пучковский Л. С. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. 1. М.; Л., 1957. С. 3; Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. М., 1988. С. 12.

¹² Знаменский П. История Казанской Духовной Академии за первый (дореформенный) период ее существования. Вып. 2. Казань, 1892. С. 509.

¹³ Сазыкин А. Г. Указ. соч. С. 12.